

УДК 902/904

ББК 63.3

Д 73

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

№ 7

Серия основана в 1997 году

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН*

Ответственный редактор серии
член-корреспондент РАН Р. М. Мунчаев

Ответственные редакторы тома
*кандидат исторических наук В. Г. Петренко
доктор исторических наук Л. Т. Яблонский*

Рецензенты

д. и. н. В. И. Козенкова

к. и. н. А. Р. Канторович

Д 73 Древности скифской эпохи: Сборник статей.— М.: ИА РАН, 2006.—
428 с., ил.

ISBN 5-94375-045-2

Сборник статей, изданный в память классика отечественной скифологии, старейшего сотрудника Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии, Анны Ивановны Мелюковой, составлен из работ коллег и учеников замечательной исследовательницы. В нем также впервые публикуется одна из последних статей самой Анны Ивановны. В книге в научный оборот вводится новый археологический материал скифского времени, который происходит из широкого ареала евразийских степей, освещаются дискуссионные вопросы скифо-сарматской археологии, связанные с этнокультурной историей степного населения скифской эпохи, с типологией и хронологией памятников эпохи ранних кочевников Евразии.

УДК 902/904

ББК 63.3

LINGUA SCYTHICA
AD USUM HISTORICI¹

Алексей Кайды
от автора
СВ

28.12.2006

В изучении скифского языка сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, все дошедшие до нас в той или иной передаче скифские слова и имена тщательнейшим образом проанализированы и для подавляющего их большинства установлены надежные иранские параллели, с другой — лингвисты (а вслед за ними и остальные скифологи), за редкими исключениями, игнорируют наличие фонетических особенностей, характерных именно для скифского, — в отличие, скажем, от сарматского, — что создает почву для необоснованных этимологий, на которых представители других дисциплин строят далеко идущие выводы. Господствующее мнение о скифском языке гласит, что «на современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» (Полин, 1992, с. 88). Ниже будет показано, что анализ материала опровергает эту точку зрения, а «междисциплинарное исследование бесписьменного общества, каким по определению является скифское, предполагает овладение основами смежных профессий» (Кулланда, Раевский, 2002, с. 225). Историкам (в широком смысле, включая археологов, социальных антропологов, религиоведов и представителей иных смежных дисциплин), как, впрочем, и лингвистам, занимающимся скифологией, не худо было бы иметь представление о твердо установленных рефlekсах общеиранских фонем в скифском, отличающихся от рефlekсов тех же фонем в сарматском, что заставило бы отказаться от многих остроумных и соблазнительных, но не выдерживающих научной критики гипотез. Отдельные соображения на сей счет специалисты за последние полвека высказывали неоднократно (Brandenstein, 1953²; Грантовский, 1960, стр. 20, прим. 28; Cornil-lot, 1981a), а в начале 90-х гг. прошлого века польский лингвист Кшиштоф То-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, грант № 03-01-00053а.

² Бранденштейн первым предпринял важный шаг в определении специфики скифского языка, попробовав этимологизировать имена персонажей скифской генеалогической легенды с учетом специфических фонетических особенностей скифского, прежде всего перехода $d > \delta > l$ (см. ниже). К сожалению, его опыт исторической привязки легенды оказался не слишком удачным (он, например, считал, что скифские $\gamma\epsilon\upsilon\eta$ связаны со сменявшими друг друга в Северном Причерноморье народами: трипольскими земледельцами [потомками старшего брата], носителями культуры боевых топоров [потомками среднего брата] и собственно скифами [потомками младшего брата]), что представляется, мягко говоря, маловероятным, а потому плодотворная лингвистическая идея не получила развития.

маш Витчак сформулировал сугубо лингвистические (а не основанные на географии, хронологии или сведениях античных авторов) критерии выделения собственно скифского пласта из общего массива иранской лексики Северного Причерноморья. К сожалению, ни опередившие свое время наблюдения Бранденштейна, Грантовского и Корнильо, ни пионерская работа Витчака не встретили должного отклика в научной среде, да и сами авторы, за исключением Корнильо, насколько мне известно, впоследствии не возвращались к проблеме скифского языка — В. Бранденштейн скорее всего потому, что, как уже отмечалось, его интерпретация легенды о происхождении скифов не получила поддержки, Э. А. Грантовский потому, что, будучи историком, писал прежде всего об истории, К. Т. Витчак, видимо, потому, что, будучи индоевропеистом широкого профиля, переключился на исследование других (в частности, кельтских) языков.

Не так давно автор этих строк посвятил скифскому языку специальное исследование, уточнявшее и развивавшее выводы предшественников (Кулланда, 2005). К сожалению, оно, как и труд К. Т. Витчака, вряд ли будет востребовано историками, поскольку непривычная терминология затрудняет восприятие и мешает использовать выявленные лингвистическими методами языковые факты для реконструкции историко-культурных процессов — автор, историк по образованию и роду деятельности, испытал это, что называется, на собственной шкуре. Поэтому в настоящей работе я попытаюсь, изложив вкратце современные представления о скифском языке, показать возможность их применения в исторических исследованиях и продемонстрировать, какие из устоявшихся историко-культурных гипотез нуждаются в пересмотре в свете установленных к настоящему времени фонетических особенностей скифского языка.

Описывая язык, исследователи не в последнюю очередь стремятся определить его генетические связи и установить характерные особенности, отличающие его от родственных наречий. В отношении скифского языка, несмотря на значительный прогресс в его изучении, обе эти задачи нельзя считать полностью решенными. Твердо установлена только принадлежность скифского к восточно-иранским, но не его место среди них; разграничить скифский и сарматский (resp. алаано-осетинский) удалось лишь недавно (исследование К. Т. Витчака, см. ниже), но и здесь сделано далеко не все.

Проводить различие между скифским и сарматским исследователи пытались давно. Так, М. Фасмер в своем труде «Die Iranier in Südrussland» (Vasmer, 1923) приводил отдельно скифский и сарматский материал (ошибочно относя к сарматским и ряд сугубо скифских лексем). Так же поступили и авторы обобщающего труда по иранской лингвистике «Compendium Linguarum Iranicarum». Однако при этом они руководствовались экстралингвистическими соображениями: хронологией упоминания тех или иных лексем, их географическим распространением, прямыми указаниями античных авторов на принадлежность того или иного имени или слова скифскому или сарматскому языку¹. До

¹ Насколько опасен такой способ этнической атрибуции ономастического материала, видно на примере известной работы Д. Б. Шелова (Шелов 1974), где некоторые иранские имена из Северного Причерноморья считаются «персидскими», resp. не исконно скифскими или сарматскими, на том лишь основании, что либо сами эти имена встречаются также и в тех регионах иранского мира, где ощущалось персидское влияние, либо родственные им слова отмечены в иных иранских традициях. Так, известное из северопричерноморской эпиграфики имя Ксартан (Ξάρθανος) объявляется «несомненно» персидским (Шелов, цит. соч., с. 89) — видимо, потому (хотя в тексте это не сформулирова-

девяностых годов прошлого века не удавалось выделить комплекс специфических фонетических черт, отделяющих скифские диалекты от сарматских и аланских, хотя на определенные фонетические изоглоссы, характеризующие хронологически и/или географически различающиеся диалекты, обращали внимание и Абаев, и Харматта, и Згуста (1955), и Бильмейер. Дело в том, что все дифференцирующие признаки вынужденно вырабатывались на материале северопричерноморской ономастики, где не всегда возможно отличить скифские имена от сарматских. Кроме того, все фонетические особенности постулировавшихся диалектов/языков возможно было трактовать и как диахроническую эволюцию одного диалекта/языка. До недавнего времени не существовало бесспорных критериев, по которым то или иное слово можно было бы уверенно отнести к скифскому, а не сарматскому словарному фонду, или наоборот (поэтому а priori предполагалось, что скифский язык составлял единую подгруппу с сармато-алано-осетинскими наречиями).

Между тем наиболее убедительный из такого рода критериев был давно и хорошо известен скифологам. Практически каждый, писавший о скифском языке, упоминал о соответствии скифского Παράλαται — авест. *paraḍāta*. Сходство это было замечено еще в середине XIX в.¹, до того, как Дж. Дармстетер впервые отметил, что переход $d > \delta^2 > l$ является специфической особенностью юговостоноиранских языков³ (хотя спорадически слова, демонстрирующие этот переход, встречаются и в иных восточно- и западноиранских языках — ср. ниже).

В дальнейшем эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговостоноиранские языки, а именно бактрийский, афганский (пашто, пушту), мунджанский, йидга — с другой⁴, время от времени отмечали⁵, но

но), что его (в форме *A[ḡ]sartan*) носили кахетинские цари и ширваншахи (Абаев, 1949, с. 189 = 1979, с. 309). Между тем данное имя может быть только сармато-аланским, но никак не персидским, поскольку, будучи производным от иранского **xšāθra* «власть», демонстрирует метатезу $\theta r > r\theta$, не встречающуюся ни в древне- или среднеперсидском, ни в т. н. мидийском, зато характерную для сармато-алано-осетинского (см. ниже) (отсутствие среднеперсидского перехода $xš- > š-$ еще можно было бы попытаться объяснить наличием протетического гласного). Точно так же отмеченное в Танаисе иранское имя Арнак (Ἀρνάκης) нельзя причислять к «персидским» (там же, с. 85) только потому, что параллели ему можно найти в авестийском и древнеиндийском.

¹ См., например, Müllenhoff 1892 (1866), S. 112, хотя он и колебался, возводить ли Παράλαται к *paraḍāta* или к авест. *ratu*.

² В иранистике греческой дельтой принято условно обозначать звонкий межзубный [δ], сходный с начальным согласным в английском слове *this*.

³ Darmesteter, 1883, 71, 195–201; Minorsky, 1930. Конечно, переход $d > l$ время от времени происходил и в иных, неиранских языках — ср., например, латинское *levir* при русском «деверь» или различные варианты имени Одиссея в греческом: Ὀδυσσεύς, Ὀλύσσεύς, Ὠλίξης (откуда латинское *Ulixes*, Улисс), но регулярным он был именно в юговостоноиранских.

⁴ Существует гипотеза, что переход $\delta > l$ характеризовал и один из согдийских диалектов, существование которого постулируется на основании косвенных данных, а именно демонстрирующих этот переход персидских слов, для которых предполагается согдийское происхождение, и использования в согдийском письме арамейской буквы ламед (𐭪) для обозначения спирантов δ и θ — cf. Henning, 1939; Livshitz, 1970, pp. 258, 261–263; Sims-Williams, 1981; Idem 1989, pp. 173, 177, с литературой.

⁵ Грантовский, 1960, стр. 20, прим. 28; Schmitt 1989. Вопреки мнению Д. И. Эдельман (1986, с. 169) о связи данного перехода в юговостоноиранских языках с ареальными, возможно субстратными, тенденциями, и его относительно позднем возникновении, он засвидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bāhlika* (т. е. Бактрия, откуда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Bāxdi-* (с суффиксом *-ka*), а также древнеиндийским словом *lipi* «письмо», заимствованным из западноиранского *dipi* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) через диалект, где произошел переход $d > l$ (Грантовский, 1998, сс. 106–107). Связано данное об-

до недавнего времени никто не делал напрашивающегося вывода и не пытался трактовать *все* случаи появления *l* в скифском как рефлексы восточноиранского *δ* (и общеиранского **d*)¹.

Первым, кто постулировал существование в Скифии особого диалекта скифов царских, где *δ* переходил в *l*, был Э. А. Грантовский (см. выше, прим. 4), который вслед за Бранденштейном (см. выше, примеч. 1) начал этимологизировать скифские имена с учетом этого перехода (ср. его этимологию имени скифского царя Πάλακος — *<*Pāḍaka*). Правда, будучи историком, писавшим об истории, он не пытался дать целостное описание скифского языка и (возможно, именно поэтому) был не вполне последователен в своей трактовке скифских языковых фактов. Под непоследовательностью я имею в виду то обстоятельство, что он считал скифскими и слова, где иранское **d > l*, и слова, где иранское **d > d*.

Эту непоследовательность сумел преодолеть К. Т. Витчак, впервые выдвинувший ряд достоверных фонетических критериев различения скифского и сарматского языков. С основным его выводом, согласно которому скифский и сарматский представляли собой не диалекты одного и того же языка, а два разных иранских языка, нельзя не согласиться. Вместе с тем, можно оспорить некоторые из предлагаемых Витчаком фонетических соответствий или их интерпретацию, дополнить его список различий между скифским и сарматским, а также предложить на основании полученных критериев некоторые новые этимологии скифских имен, чему и будет посвящена настоящая работа.

Витчак первым эксплицитно сформулировал тезис о том, что переход **d > l* был отличительным признаком скифского языка, противопоставлявшим его сарматскому, где общеиранское **d* давало *d*². Этот вывод может быть подкреплён анализом бесспорно скифских имен (см. ниже).

Переход иранских сочетаний **-gu*, **ri* в скифское *ri* и сарматское *li*, о котором вслед за Абаевым и Харматтой пишет Витчак³, также является четким дифференцирующим признаком при определении скифской или сарматской принадлежности той или иной лексемы (ср., например, приводимые Геродотом — у которого, в силу хронологических причин, сарматских имен ожидать не приходится — скифские имена собственные Ἀριαιεῖθης и Ἀριάντας — с сохранением *ri* — с такими сарматскими именами из относительно поздней северопричерноморской эпиграфики как Φλίανος, Φλιάνακος и т. п., где *-li-* восходит к *-ri-*, что видно хотя бы из сравнения с авестийским именем *Friiana* [Y. 46. 12], не

стоятельство, видимо, с сакским, гесп. скифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджанцев и йидга (см. об этом Marquart, 1901, S. 226 et al.; Грантовский 1963; Он же, 1963а; Он же, 1975; Он же, 1998, сс. 105–109).

¹ Колебания скифологов относительно этой изоглоссы хорошо иллюстрирует высказывание Бильмейера: «Если (курсив мой. — С. К.) мы принимаем всерьез происхождение скифского Παράλαται < младоавест. *paraḍāta*..., сохранение интервокального *d* в сарматском и осетинском... становится фонетически дифференцирующим признаком» (Wenn wir die Ableitung skyth. Παράλαται < j[ung]av[est]. *paraḍāta*... ernst nehmen, stellt die sarmatische und ossetische Bewahrung von intervokalischen *d*... ein klares lautliches Differenzierungsmerkmal dar) (Bielmeyer, 1989, p. 240, n. 12).

² К сожалению, он, видимо, не был знаком с соответствующими наблюдениями Грантовского и Корнильо, разбросанными по разным лингвистическим публикациям, и упустил возможность подкрепить свою аргументацию, в частности, предложенной Грантовским этимологией имени Палака и предложенной Корнильо этимологией имени Колаксия (см. ниже).

³ Они, однако, не отделяли скифский от сарматского и рассматривали упомянутые фонетические особенности либо как архаизм и инновацию внутри одного и того же языка (Абаев), либо как следы более древнего и более позднего диалектов (Харматта).

говоря уже о родственных словах типа русских «приятель; приятель» или английского *friend*, немецкого *Freund* «друг»).

Правдоподобным представляется и предположение Витчака, что иранский интервокальный *-š- исчез в скифском (как в современных мунджанском и йидга)¹ и дал -š- в сарматском.

Менее убедительны прочие фонетические преобразования, постулируемые Витчаком для скифского. Так, предполагаемый переход иранского *-rn- (скорее *-rn-) в скифское -ll- иллюстрируется единственным примером, а именно скифским **Maspalla* (из предполагаемого иранского **mas-rigna/prna* — «луна полная», ср. авестийское *mañ* «месяц, луна» и *rəṛəna* «полный», а также сложное слово с другим порядком тех же членов *rəṛəna.mañ*, «божество полной луны»; при смене порядка членов иранский *s*, оказавшись перед *r*, не должен был перейти в *h*), реконструируемым на основании Μέσπλη² «луна у скифов», согласно Гезихию³. Это не означает, разумеется, что данное соответствие следует отнестись к порогу, но заставляет проявить по отношению к нему определенную осторожность, тем более что нельзя не задаться вопросом, случайно ли сходство Гезихиевой глоссы и дошедшего до нас в передаче византийского автора Иоанна Цеца аланского слова μέσφιλι, означавшего, судя по греческому переводу, «господин» и «госпожа» (об аланских фразах у Цеца см. подробно Абаев, 1935).

С той же осторожностью необходимо отнестись и к предполагаемому исчезновению в скифском интервокального иранского *θ, иллюстрируемому такими примерами, как скифский Nom. pl. **pāyah* «пути»⁴, восстанавливаемый на основании топонима Ἐξαιπῆαιος, который Геродот (IV, 52) переводит Ἱερὰ ὁδοί, «Священные пути», и скифского **baša* «превосходнейшая» < **vahišā*, якобы переданного Геродотом в виде -μπασα в имени скифской богини Ἀρτίμπασα (Витчак, 1992, стр. 58).

Витчак предположил, что иранское *w в скифском сохранялось перед передними гласными и полугласными⁵ и переходило в *b* перед задними гласными⁶, тогда как в сарматском оно исчезало перед передними и превращалось в *v*

¹ Ср. приводимые им примеры: скифское *srai* «глаз» (приведено Геродотом в форме σραι — IV, 27) < индоевропейского **spak'su*, иранского *spaš*, скифское *kararu* — «кибитка» (у Гезихия *καράρυες*) < иранского **kərašaru* — ср. тохарское *A kursār*, *B kwārsār* «упряжка», и т. п.

² Поскольку в лексиконе Гезихия данная глосса помещена после μέσφερβειν и перед μέσπλη, Витчак, в соответствии с алфавитным порядком, предлагает конъектуру: Μέσπλη. Этимология была впервые (в несколько отличной форме — **mās-prā*) предложена О. Н. Трубачевым, который, однако, считал эту лексему индоарийской (Трубачев, 1999, с. 30 [первая публикация — 1976]).

³ Второй приводимый Витчаком пример — предполагаемое скифское **x'allah* — «хвала; слава» < **x'arnah*-, реконструируемое на основе славянского **chvala* — не может быть принят, поскольку рефлекс иранского **x'arnah*- (об истории данного этимона см. подробнее ниже) засвидетельствован в форме -φαρν(η)- не только в сарматских личных именах, но и, например, в скифском имени Σαταφάρνης, зафиксированном в конце III в. до н. э. в Ольвии, где (как, впрочем, и во всем Северном Причерноморье) столь раннее присутствие сарматов не представляется возможным.

⁴ Витчак возводит реконструируемое им скифское слово к иранскому *paθi* «путь» (ср. авестийское *paθ*, древнеперсидское *paθi* 'id'), от которого в древнеиранских языках ожидался бы именительный падеж множественного числа **paθayah*, давший, согласно Витчаку, после выпадения интервокального -θ- и стяжения двух кратких -а- в один долгий, скифское **pāyah*. Впервые греческое — λαίτοι в составе этнонима Ἀρτίπῆαιος, аргиппей) связан с иранским *paθi* Маркварт (Marquart, 1905, S. 88).

⁵ Как в скифском **maluwyam* «мед», имеющем в рукописях Гезихия форму μέλυγιον (с заменой исчезнувшей дигаммы на гамму) (см. Витчак, 1992, стр. 53).

⁶ Как в скифском названии Днепра Βορυσθένης < **Varustāna* (Vasmer, 1923, S. 65).

перед задними гласными¹. И в скифском, и в осетинском, resp. сарматском, наблюдается слишком много исключений из этого предполагаемого правила: можно вспомнить, например, скифское личное имя Ὀρίκος (Hdt. IV, 78) < **Warika* / *Waryaka*, восходящее либо к слову со значением «ягненок» (дигорское *wærikæ* 'id' — Абаев, 1949, стр. 187 = Скифо-сарматские наречия, стр. 307; подробнее см. ИЭСОЯ IV, стр. 87–88), либо к прилагательному «лучший; отборный» (авестийское *va'rya-* 'id' — Vasmer, 1923, S. 15), т. е. в любом случае с **w*, не перешедшим в *b* перед задним гласным, или дигорское *bijun* < **wi-* 'ткать' (см. Миллер, 1882, стр. 85; 1887, 157; ИЭСОЯ I, 277), также не укладывающееся в предложенную Витчаком схему, и т. п.

Сомнительна и постулируемая Витчаком регулярность перехода **s* > *θ* в скифском². Такой переход действительно представлен в скифских именах собственных, например, Σλαρυαλειθης (из иранского **Spargapaiša* — «Подобный цветку» или «Цветущего вида», ср. ваханское *sprəy* «цветок», *sprəz* «цвести» и авестийское *raēsa-* «украшение», древнеиндийское *rēśas* «форма; вид; цвет»; см. также выше, примеч. 18) и Ἀριαλειθης (< **Aryapaiša* («Арийского облика»)³, и в ряде осетинских слов, но ни в одном восточноиранском языке этот переход не является регулярным, хотя изредка встречается даже в Авесте (См. GiPh, I, 1, S. 166, § 282, по. 1). Кроме того, поскольку, согласно Витчаку, этого перехода нет в сарматском, а в осетинском он нерегулярен, нам, в соответствии с концепцией польского ученого, пришлось бы считать соответствующие осетинские лексемы заимствованиями из скифского. Однако в этом случае мы ожидали бы появления в осетинском и других заимствований, отражающих фонетические особенности скифского, прежде всего вышеупомянутый переход *d* > *l*. Между тем, хотя фонема *l* в сарматском существовала, ни в одном слове прекрасно изученного и хорошо документированного осетинского языка нет *l* на месте иранского **d*. Отсюда следует, что в осетинском, resp. сарматском, не было скифского субстрата, а переход **s* > *θ* был характерен для некоего диалекта (или диалектов) югозападноиранского типа, на который независимо наложились скифский и сарматский. Скорее всего, это произошло еще на их прародине, хотя могло иметь место и в Восточной Европе.

Можно напомнить и о некоторых не отмеченных Витчаком фонетических особенностях скифского, отличающих его от сарматского. В скифском в начале

¹ Передними (или гласными переднего ряда) называются те гласные, при произнесении которых язык выдвинут вперед (например, русское *и* [i]), а задними (или гласными заднего ряда) — те, при произнесении которых язык оттянут назад (например, русское *а*). Читателю, не имеющему лингвистической подготовки, достаточно вспомнить правила чтения латинской буквы *s* в современных европейских языках: те гласные, перед которыми она обозначает звук [s], являются передними, а те, перед которыми [k] — задними. Разумеется, научная акустическая классификация гласных выглядит намного сложнее, но в данной статье нет смысла в нее углубляться. Полугласными, в свою очередь, называются звуки, сходные с гласными, но не образующие слога, вроде и краткого в словах типа «май».

² Имеется в виду то обстоятельство, что общеиранское (и индоиранское) **s* (из индоевропейского **k*) давало в большинстве иранских языков *s*, а в т. н. «югозападноиранских», т. е. прежде всего в древнеперсидском, *θ* — ср. авестийское *raēs-*, древнеперсидское *raiθ-* (< **rais*) «красить, украшать» (родственно русским словам «писать», «пестрый»). Производное от этого корня со значением «вид, форма» отразилось в скифском языке как -πειθης, с «юго-западным» *θ* на месте обычного для восточно- и северозападноиранских языков *s*. Обычная восточноиранская форма того же слова отражена Геродотом (I, 211, 213) в имени массагета Σλαρυαλειθης, соответствующем скифскому антропониму Σλαρυαλειθης. Подробнее об этой фонетической особенности см. Абаев 1945; Грантовский 1970, с. 161–162.

³ Подробнее об этимологии этих имен см. Кулланда, Раевский, 2004, с. 92 (со ссылками на литературу вопроса).

слова происходил переход $*x\check{s} > s$, характерный также для некоторых юговосто-иранских языков, в частности, пашто (тогда как в сарматском начальное иранское $*x\check{s}$ неизменно отражалось как $x\check{s}$ — греческое ξ -, осетинское $x\check{s}$ -). На эту особенность указывал уже Харматта (1951, pp. 308–309), который, правда, не связывал ее именно со скифским. Ее можно проиллюстрировать такими примерами ⁴ для Tomaschek, как Σατραβάτης, имя собственное из фанагорийской надписи первой половины IV в. до н. э. (КБН 1066), где Σατρα- явно передает иранское $*x\check{s}a\thetara$ - ‘власть’; Σάϊοι < $*x\check{s}aya$ - ‘правитель, царь’, этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32, А, стк. 34), повествующем о событиях конца III в. до н. э. (в тексте форма генитива Σαῖων), и, возможно, как отметил еще В. Томашек (Tomaschek, 1888, S. 721)¹, бывший самоназванием Геродотовых «скифов царских» (οἱ βασιληῖοι Σκυθαί, в тексте в родительном падеже, τῶν βασιληῖων Σκυθέων — Hdt. IV, 20); Σαῖταφάρνης < $*X\check{s}aitafarna$ -, «[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном» (о последнем понятии см. ниже), царь упомянутых сайев (Σάϊοι) (в тексте во всех случаях опять-таки форма генитива Σαῖταφάρνου — А, стк. 10, 83). Следует еще раз отметить, что соответствующая надпись не может иметь отношения к сарматам, появляющимся в западной части Восточной Европы, где расположена Ольвия, не ранее II в. до н. э.²

В отличие от сарматского и осетинского, в скифском не было метатезы $\theta r > r\theta$. В бесспорно скифских именах встречается только сочетание $-tr$: ср. приведенное выше Σατραβάτης и Σατράκης, имя царя азиатских скифов, упоминаемого Аррианом (Anab. IV, 4, 8).

Ввиду упомянутого выше перехода $d > \delta > l$ требует объяснения появление в скифских словах интервокального $-d$ - (или $-\delta$ -). Поскольку z в ассирийских передачах самоназвания скифов — $a\check{s}guz\check{a}i$, $asguz\check{a}i$, $i\check{s}kuz\check{a}i$ — соответствует греческому θ в Σκυθαί и более позднему скифскому l в упоминаемом Геродотом самоназвании скифов Σκόλοτοι, т. е. $*skula-ta$, где $-ta$ — показатель множественности, известный, например, из согдийского и осетинского³, кажется вероятным, что к началу скифских переднеазиатских походов, в VII в. до н. э., скифское $*d$ уже превратилось в межзубный звонкий δ [ð], который в ассирийском аккадском, где не было интердентальных фрикативных, передавался через сибилант \check{d} , а в греческом, где не было звонкого [ð], через глухой межзубный фрикативный θ . Поскольку начальный гласный в аккадском является протетическим⁵ (откуда разноречие в написании — то с начальным a -, то с начальным i - в асси-

¹ Подробнее об истории вопроса см. Куклина, 1985, с. 110, примеч. 77.

² Разумеется, греческая Σ - могла передавать иранское $x\check{s}$ -; ср. греческое σατράνης < т. н. «мидийского» $x\check{s}a\thetarapa$ -. Однако, учитывая, что начальное $X\check{s}$ - в записанных греческими буквами сарматских именах неизменно передается как Ξ [Ks], кажется вероятным, что переход $*x\check{s} > s$ - в начальной позиции в скифском все-таки произошел. В связи с этим любопытно вспомнить праславянское диалектное $*\check{s}atriti$ «смотреть; блюсти», которое О. Н. Трубачев (1967, сс. 51–55) считал производным от заимствованного иранского $*x\check{s}a\thetara$ - «власть». Если его этимология верна, то славянская форма отражает отмеченные выше скифские черты: переход $x\check{s} > \check{s}$ и отсутствие метатезы $-\theta r > r\theta$.

³ Что это именно показатель множественности, видно и из того, что у слова Σκόλοτοι в греческом нет единственного числа.

⁴ Такая передача фонетически вполне объяснима: так же обычно поступают с английским звонким межзубным русские, не слишком хорошо овладевшие английским произношением.

⁵ В аккадском, как и в других древнесемитских языках, слог не мог начинаться с двух согласных (см. об этом, например, Дьяконов, 1991, с. 80; специально об аккадской передаче иранских имен с начальным стечением согласных см. Грантовский, 1970, с. 73).

рийской и вавилонской традициях соответственно), самоназвание скифов на момент их первых контактов с ассирийцами и греками должно было звучать **Skūda* (из **Skuda*¹), что в результате дальнейшего перехода $\delta > l$ не позднее V в. до н. э. (когда составлял свой «Скифский рассказ» Геродот) дало форму **Skula*, записанную Геродотом в виде Σκόλο- или Σκούλη- (в царском имени Σκούλης, т. е. «Скиф»)². Однако, судя по приводимому Геродотом (I, 103) в форме Μαδύης имени скифского царя VII в. до н. э., в скифском одновременно существовал взрывной *d*, который не мог восходить к иранскому **d*. Этот факт можно объяснить переходом *-nt- > -d-, засвидетельствованным для юговосточноиранских языков; ср. йидга *lad* «зуб» < **danta*, и т. п. (см. Эдельман 1986, стр. 163). В таком случае имя Мадий (Μαδύης) следует трактовать как рефлекс индоиранского **mantu* (ср. авестийское *mantu*-, древнеиндийское *māntu*- «советник; правитель»), отказавшись от общепринятой этимологии, выводящей его из **madu*- «мед» (ср. выше, примечание 15, о форме скифского слова «мед»).

Рассмотренные выше фонетические переходы, характерные для скифского, свидетельствуют, как кажется, что этот язык входил в ту же «юговосточноиранскую» группу языков, что и пашто, мунджанский, йидга и бактрийский, а с сармато-алано-осетинским был связан более отдаленным родством. Кроме того, и в скифском, и в сармато-алано-осетинском, видимо, был «югозападноиранский» субстрат — источник форм, в которых рефлексом общеиранского **s* было не регулярное *s*, а *θ*.

На основании уточненных фонетических соответствий между скифским и иными иранскими языками можно попытаться проанализировать до сих пор не объясненные скифские имена и пересмотреть некоторые общепринятые этимоло-

¹ Возникает естественный вопрос: а что означало слово **Skuda*? Однозначного ответа у нас нет. Есть по меньшей мере три фонетически безупречных и семантически убедительных толкования, и не ясно, какому из них отдать предпочтение. Согласно одному из них, впервые сформулированному Ф. Юсти (Justi, 1896–1904, S. 441; Szemerényi 1980, p. 21 и примеч. 44) (хотя, по мнению Семереньи, идея носилась в воздухе и раньше) и поддержанному М. Фасмером, О. Семереньи и В. И. Абаевым, слово это восходит к индоевропейскому корню со значением «стрелять» (ср. восходящие к тому же корню английское *shoot*, нем. *schießen* «стрелять», *Schütze* «стрелок») и означает «стрелок» — а скифы славились как стрелки из лука. Французский ученый Франсуа Корнильо (Cornillot, 1981) сопоставил слово *Skuda* с ваханским (ваханский — восточноиранский язык, распространенный в Таджикистане и Афганистане) *skid* «тюбетейка» (еще в недавнем прошлом, видимо, «остроконечная шапочка» — ср. Стеблин-Каменский, 1999, с. 312), которое фонетически закономерно восходит к **skauda*. При таком толковании самоназвание скифов означало бы «носящие характерные головные уборы», а известно, что в древнеперсидских надписях ближайшие родственники скифов, среднеазиатские саки, специально именуются «острошапочными» — тиграхауда. Наконец, О. Н. Трубачев (1999, с. 137, впервые опубликовано в 1980) предложил возводить самоназвание скифов к корню со значением «отрезать, отщеплять» (ср. английское *shear*, немецкое *scheren* «стричь», осетинское причастие *sk'ʷyd / sk'ud* «рваный; лопнувший; треснутый»). В этом случае самоназвание «скиф» означало бы «отделившийся; отщепенец; изгой; «и типологически соответствовало бы самоназваниям казахов и русских казаков, восходящих к тюркскому слову с тем же значением «отделившийся; изгой». Этимология А. В. Назаренко (Назаренко, 1989), сближавшего скифское Σκόλ- с общеславянским **xol*-, отраженном в русских словах «холостой», «холоп» и т. п., и германским **skal-k-s* «слуга, раб» (и в славянском, и в германском данная лексема первоначально была обозначением возрастной категории несовершеннолетней и оттого неполноправной молодежи), несостоятельна: как мы убедились, скифское -*l*-, в отличие от славянского и германского, исконным не является, а восходит к иранскому *-*d*-, которое не может соответствовать славянскому и германскому -*l*-.

² Первым эту цепочку наименований проследил О. Семереньи в работе, опубликованной в 1947 году на венгерском языке. См. также Дьяконов, 1956, с. 242 сл.; Szemerényi 1980, pp. 16–23; Грантовский, Раевский, 1984, сс. 50–51).

логии. Так, ввиду преобладавшего в иранском ротацизма (не считая некоторых звукоподражательных (?) слов вроде персидского *lab* «губа» и т. п.), обилие скифских имен, содержащих *l*, представляет определенную загадку. Если же считать, что скифское *l* происходит из иранского **d*, а скифское *d* — из иранского **-nt-*, становится возможным дать непротиворечивые этимологии ряда скифских имен. Об имени *Μαδύης* было сказано выше. Имя скифского царя Савлия (*Σαύλιος*; Hdt. IV, 76) следует возводить к общеиранскому **saudya-* «(Ритуально) Чистый» (ср. древнеиндийское *sodhya-* «долженствующий быть очищенным»). Имя царя Скилура с тем же фонетическим переходом *Σκίλουρος* < **skidura-* означает «Режущий; Победоносный»¹; имя его сына Палака (*Πάλακος* < **Pāḍaka*, ср. древнеперсидское *rāda* «нога» и т. п.) — «Ногастый; (Длинно)ногий»; ср. эпитет бога Вайю в Авесте (Yt. XV, 54): *bərəzi. rāδō* «высоконогий»². Имя *Παίρισαλος*, встречающееся в ряде надписей из Крыма и с Таманского полуострова, обычно считается фракийским (см., например, Vasmer 1923, S. 47). На самом же деле это явно «скифизированная» форма боспорского царского имени Перисад, *Παίρισαδης*. Видимо, вторичное *-d* < **-nt-*, подобно первичному **d* < **d*, превратилось в *δ*, а затем в *l*, хотя по сравнению с переходом в *l* первичного **d* < **d* этот процесс несколько «запоздал». С другой стороны, не исключено, что появление в скифском *l* на месте боспорского *d* могло явиться результатом гиперкоррекции, поскольку скифы, тесно контактируя с носителями иных иранских языков, не могли не замечать, что *d* этих языков в их собственном языке соответствует *β*.

¹ Ср. др.-инд. *chidura-* «режущий; уничтожающий»; относительно семантического развития ср. курдское *biṭā* «победоносный», букв. «режущий» — Цаболов, 2001, стр. с. 188–189). Впервые предложивший эту этимологию О. Н. Трубачев, будучи одержим идеей о присутствии индоариев в Северном Причерноморье в скифское время, трактовал имя Скилура, несмотря на его типично юговостоноиранскую форму, как индоарийское. См. Трубачев, 1999, стр. 276–277.

² Грантовский, 1970, стр. 174–175 и примеч. 28. Выводу о переходе скифского *d* в *l*, казалось бы, противоречит форма упоминаемого Геродотом (IV, 76; 120; 126–127) имени скифского царя — Иданфирс (*Ἰδάνθυρος*), но соответствующее имя Арриан (Ind. V, 6) приводит в форме *Ἰνδάθυρις* (хотя современные издатели «Индики» предпочитают без объяснений заменять в тексте *Ἰνδάθυρις* на *Ἰδάνθυρος*), поэтому Геродотова передача, возможно, неточна. Появление *d* в таких скифских именах, как Игдampf (*Ἰγδαμπίης*) (Яйленко, 1980, сс. 77–78, № 69, рис. 1) или Октамасад (*Ἰκταμασάδης*, Herod. IV, 80), на первый взгляд также противоречащее высказанному тезису, объясняется в случае с Игдampf сочетанием согласных *yd*, при котором, как и в современных юговостоноиранских языках, перехода *d* > *l* не происходило (ср. йидга *liydo* «дочь» из восточноиранского **diyda*, подробнее см. Эдельман, 1986, сс. 148–151). Второй случай либо объясняется сочетанием согласных *-zd-*, также препятствовавшим переходу *d* > *l* — ср. имя бактрийского кушанского божества *𐎧𐎼𐎦𐎡𐎹*, первая часть которого восходит к слову **mazda-* (Эдельман, 1986, с. 106) или **mīzdwan-* (Sims-Williams 1997) (см. также Harmatta, 1969, p. 359) (если возводить вторую часть имени Октамасада, как и имени божества Фами- или Фогимасада, — Herod. IV, 59, — к иранскому **mazda* — так у Миллера [1887, с. 131, с ошибочной ссылкой на Мюллengoфа] и Трубачева [1999, сс. 199–201]), либо в нем греческая дельта передает иранский **t* (если упомянутая вторая часть восходит к иранскому **mazata* — так у Мюллengoфа [Müllenhoff, 1892, S. 116] и Фасмера [Vasmer, 1923, S. 15], что, впрочем, кажется менее вероятным, поскольку озвончение глухих происходит относительно поздно, уже в сарматском).

³ В качестве типологической параллели можно вспомнить приведенный Траском (Trask, 2000, pp. 53–54) пример испанских заимствований в баскском. Современные испанские слова, оканчивающиеся на *-ón*, заимствуются в баскский с изменением окончания на *-oi*: *avión* «самолет» превращается в *abioi*, *camión* «грузовик» в *kamioi*. С точки зрения современной баскской фонетики такой переход необъясним, поскольку окончание *-on* для баскского вполне обычно. Причина изменений — гиперкоррекция. Романские слова с окончанием *-one* (из латинского *-onet*), заимствованные в баскский, в результате последующего падения в этом языке интервокального *-n-* приобрели окончание **-oe*, превратившееся затем в *-oi*. Так, романское **ratone* «крыса; мышь» дало баскское *arratoi*, а романское **razone* «разум; право» — *arratoi*. В то же время в испанском рефлекс соответствующих слов потеря-

Посмотрим, каким из перечисленных выше особенностей скифского языка противоречат общепризнанные скифские этимологии. Обратимся прежде всего к именам персонажей скифской генеалогической легенды о трех братьях, сыновьях первочеловека Таргитая — Липоксая (Λιπόξαις), Арпоксая (Ἀρπόξαις) и Колаксы (Κολάξαις) (Hdt. IV, 5–7). Еще П. Й. Шафарик (1836, 236) отметил, что вторая часть имен трех братьев — ξαις — есть не что иное, как иранское *xšāya* «власть» (Koncowka xais we gñenjch Lipoxais, Arpoxais, Kolaxais gestit' zendické kšēio, staroassyř. cili západomed. (pélewské) khšāēhié, powopers. šah, t. král...), что представляется весьма и весьма правдоподобным. Куда сложнее обстоит дело с начальными компонентами всех трех имен. В. И. Абаев (1949, с. 242) сравнил первый элемент имени Арпоксая с осетинским *arf* «глубокий» (<*āpra) и перевел все имя как «владыка вод» или «владыка Днепра»; Э. А. Грантовский (1960, с. 7) впоследствии предложил перевод «владыка глубины». Начальный элемент имени Колаксы В. И. Абаев (1949, с. 243) возводил к иранскому *x'ar* «солнце» и переводил как «Солнце-царь». Развивая гипотезу В. И. Абаева, Э. А. Грантовский (1960, примеч. 26) предположил, что Κολά- восходит к иранскому *x'arya-* (с характерным аланским переходом *ri / ry > l*), а все имя следует переводить как «царь неба». Первый элемент имени старшего брата, Липоксая, который В. И. Абаев в работе 1949 года счел не поддающимся объяснению, Э. А. Грантовский (1960, с. 7–10) возводил к иранскому *gīra*, названию Рипейских гор, а также гор *par excellence*. В результате возникла стройная картина, согласно которой имена трех братьев отражали «представление о трех космических плоскостях: верхней — небесной, символизировавшей солнцем, средней — надземной и нижней — водной или подземной» (Грантовский, 1960, с. 9). В дальнейшем этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания. Увы, в данном случае нас ждет, по выражению Томаса Гексли, «величайшая трагедия Науки — убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом» (The great tragedy of Science — the slaying of a beautiful hypothesis by an ugly fact). «Безобразный факт» в нашем случае заключается в том, что *абсолютно все* постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были *невозможны*. Метатезы *pr > rp не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάναπρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης), следовательно, первая часть имени Арпоксая не может восходить к слову *apra- «глубина». Не происходило в скифском и перехода *ri* в *li* или *ry* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик, чьи греческие формы и иранские этимологии приведены выше. Следовательно, первая часть имени Липоксая не может восходить к иранскому *rīra, а первый элемент имени Колаксы — к иранскому x'arya-. С исследователями сыграло злую шутку смешение разновременных языковых явлений: отмеченные ими фонетические процессы действительно происходили, но в гораздо более поздний период и в другом, хотя и родственном, языке. Сказанное не означает, что мы должны выплеснуть с водой и ребенка, отвергнув гипотезу о трехчастной мифологической модели мира в скифском — в пользу ее существо-

ли конечный гласный и превратились соответственно в *ratón* и *razón*. Баски, заметив, что испанскому -ón в их языке часто соответствует -oi, начали в поздних заимствованиях из испанского заменять окончание -ón на -oi.

вания свидетельствуют, как будто, и иные данные (ср., например, Раевский, 1977, с. 119–123) — но нельзя привлекать в подкрепление оной — как и любой другой — гипотезы заведомо неверную этимологию имен персонажей скифского мифа. Это не праздный вопрос, поскольку исследователи, к сожалению, до сих пор склонны опираться именно на означенную этимологию. Так, Ю. А. Дзиццойты подкрепляет отстаиваемую им трактовку отдельных аспектов скифской мифологии утверждениями о том, что «имя Колакская в переводе со скифского означает ‘Солнце-царь’» (Дзиццойты, 2003, с. 116), а имя Липокса «могло означать либо ‘Гора-царь’, либо — что менее вероятно — ‘Земли царь’» (там же, с. 105). А. И. Иванчик в статье «Фрагмент скифского эпоса: „Колаксаев конь“ в „Парфении“ Алкмана» (Иванчик, 2004) вновь пишет о «Солнце-царе» Колаксе и «царе глубин, вод» Арпоксе, во многом строя на этом свое исследование, и, ссылаясь на работу Э. А. Грантовского, говорит о существовании скифского диалекта, для которого был характерен переход $r > l$ перед i . По иронии судьбы и сам Э. А. Грантовский, и А. И. Иванчик из отмеченных первым фонетических особенностей скифского языка выбрали (следуя в этом за В. И. Абаевым) для дальнейшей интерпретации ономастического материала те, что были выделены ошибочно, не уделив должного внимания другому, как уже отмечалось, намного опередившему свое время наблюдению Э. А. Грантовского о переходе в этом языке (который Э. А. Грантовский считал одним из скифских диалектов) общеиранского $*d$ в l (хотя в последующих работах Э. А. Грантовский трактовал факты скифского языка с учетом данного перехода — ср. выше о его этимологии имени Палака). Перед нами — очередная иллюстрация того, что в науке никому, даже самому великому ученому, нельзя верить на слово.

Разумеется, отвергнув господствующие в нашей науке этимологии, следует с учетом постулированных фонетических черт скифского языка предложить взамен свои или поддержать выдвинутые ранее, но не получившие широкого признания трактовки, что я и собираюсь сделать с той лишь оговоркой, что приводимые ниже этимологии (в первую очередь мои собственные) в дальнейшем наверняка будут не раз модифицированы.

Перейдем к анализу имен трех братьев из скифской генеалогической легенды. Учитывая индоиранский ротацизм (в индоиранском, за редчайшими исключениями, индоевропейский $*l$ перешел в $*r$) и то, что перехода ri в lv в скифском не происходило (ср. выше), первую часть имени младшего брата, Колак-сая, следует возводить к общеиранскому слову с интервокальным $*-d-$ и начальным $*k-$ или $*x-$. Ф. Корнильо (1981a, pp. 9–11) первым предположил, что речь идет об иранском $*xauda$ «шапка; шлем»; «Владыка шлемов» — вполне подходящее имя для родоначальника касты царей, resp. воинов. Правда, иранский дифтонг $-au-$ обычно передается греческой омегой (ср. древнеперсидское имя Gaubaruva, переданное по-гречески в виде Γαυβάρης), но, возможно, в скифском безударный дифтонг произносился еще ближе к монофтонгу, чем в древнеперсидском¹. В качестве параллели можно вспомнить прозвище (или подлинное имя) персидского царя Дария III — Кодоман (*Codomannus* — Justin 10, 3), которое можно трактовать как «Шлемоносец» — $*Xaudamant-$. Кроме того,

¹ О произношении дифтонга в древних иранских языках как звука, среднего между дифтонгом и долгим гласным, можно судить как раз по довольно обычной передаче древнеперсидских дифтонгов в греческом не соответствующими дифтонгами, хотя таковые в греческом имелись, а долгими (а иногда, как, скажем, в имени Ксеркса (Ξέρξης) — даже краткими) гласными, хотя, разумеется, есть и противоположные примеры — скажем, *Dārayavaṇu-* — Δαρείος.

как уже отмечал Корнильо, в иранских языках зафиксирован и более близкий к скифской форме вариант данной лексемы с начальным *k-*, монофтонгом в первом слоге и интервокальным *-l-* — ср. среднеперсидское *kuḷāf*, новоперсидское *kuḷāh*, современное персидское *kolah* «шапка»¹ (скифское заимствование?)².

Первый член сложного слова, каковым является имя среднего брата, Арпоксая, родоначальника, по всей видимости, земледельцев и скотоводов, может восходить к иранскому слову с начальным *a-* или *r-* (*r* слоговым). Подходящего слова с начальным *a-* мне обнаружить не удалось³, зато корень с начальным *r* слоговым имелся в индоиранском и означал, видимо, «работать». От него в древнеиндийском было образовано слово *rbhū* «умелый». В иранском ему должно было соответствовать **arbu*. Можно предположить, что этому иранскому слову и соответствовал элемент 'Арп- в греческой передаче. Разумеется, обычно иранское *-b-* передавалось греческой бетой, но встречаются и случаи передачи иранских звонких в сочетании согласных в инлауте (середине слова) греческими глухими: Виндафарна (*Viṇḍafarna*, имя знатного перса, вместе с Дарием участвовавшего в заговоре против мага Гауматы, упоминается в Бехистунской надписи Дария — III. 84, 86, 88; IV, 83) — Интаферн ('Ινταφέρνης или 'Ινταφρένης⁴ — Hdt. III, 70, 78, 118–119). Относительно сочетаемости двух элементов имени ср. древнеиндийское *rbhukshān* — «Владыка Рибху», эпитет ряда божеств. Имя со значением «Владыка умелых» вполне могло принадлежать родоначальнику производителей материальных благ.

Наконец, имя Липоксая может восходить только к иранскому этимону с начальным **d-*⁵. В этом случае возможны две трактовки: первая часть имени вос-

¹ Среднеперсидская форма образована из *kula* + суффикс *āfa* (см. Bailey, 1979, p. 305), так что древнеперсидское *-xauda* и среднеперсидское *kuḷāf* в конечном итоге, видимо, восходят к одному праиранскому этимону.

² В современном персидском существует и регулярный рефлекс древнеперсидского *-xauda* — *xud* «шлем; каска».

³ Ф. Корнильо (1981a, p. 18) сближает первый элемент имени Арпоксая с древнеиндийским глаголом *agrau* — «устанавливать, утверждать». Слабое место такой этимологии в том, что древнеиндийская форма является каузативом, образованным от корня *ar/g-* при помощи суффикса *-raua-*, а для иранского характерен лишь каузативный суффикс *-aua-*. Каузативные суффиксы с элементом, восходящим к *-r-*, засвидетельствованы только в языках, прямо или опосредованно контактировавших с индоарийскими (хотанское *-ev-*; ваханское *-[y]v-*, *-[y]w-/ovd-*, *owd-*; афг. *-aw-*; мунджанское *-ov-* / *-evd-*; йидга *-iw-*; парачи *-ēw-*; ормури *-aw-*), и потому соответствующую праформу обычно считают старым индоарийским заимствованием (Стеблин-Каменский 1999, с. 456). С другой стороны, есть основания полагать, что глагольный элемент *-r-* не является индоарийским новообразованием, поскольку встречается, например, в литовском (Барроу, 1976, с. 334). Не исключено, следовательно, что и в скифском мы имеем дело с архаизмом, так что гипотеза Корнильо имеет право на существование. Впрочем, более перспективным представляется его же сравнение с авестийским корнем *gar* — «помогать, оказывать поддержку», который, видимо, не имеет отношения к древнеиндийскому *agrau*, но вполне может быть связан чередованием *ar-/ra-/r-* (ср. Bailey, 1960, p. 76; Tremblay, 1998, pp. 198–201) со скифским *arp-* (ср. ольвийское личное имя 'Ραλάκης — Vasmer, 1923, S. 49).

⁴ Встречающийся в рукописях вариант 'Ινταφρένης, которому отдают предпочтение современные издатели и переводчики Геродота, основан на народноэтимологическом сближении второй части персидского имени с греческим φρέν (множественное число φρένες) «грудь» (переносное значение «душа; ум»), употреблявшимся в основном во множественном числе. См. об этом Schmitt, 1967, S. 142.

⁵ Ф. Корнильо предположил, что начальное *l-* в имени Липоксая могло произойти из **t-*, и, реконструируя праформу как **Tiro-xāua*, возводил первый элемент имени к иранскому **təpor* «топор» (Cornillot, 1981a, pp. 44–45). Однако в афганском (пашто) (как и в прочих юговостоочноиранских языках), на аналогичное фонетическое развитие в котором ссылается французский ученый, начальное *t-* никогда не переходит в *l-* (переход имеет место только в положении между гласными) (Эдельман, 1986, сс. 164–165), да и многочисленные скифские примеры (хотя бы те же парала́ты, сколо́ты и т. п.) свидетельствуют о сохранении иранского **t* во всех позициях.

ходит либо к корню со значением «сиять» (ср. древнеиндийское *dī* «сверкать, блистать»), либо к корню со значением «мысль», «мыслить» (ср. древнеиндийское *dhī* «мысль») с суффиксом *-pa* (или к варианту корня с элементом *-p* — ср. йидга *velivo* «молния» от корня **daip-* «сверкать» — ЭСИЯ, 2, сс. 299–301). Таким образом, имя предводителя авхатов, бывших, по всей вероятности, жрецами, можно перевести как «Владыка блистательных» или «Владыка мыслящих».

Как я уже говорил, предлагаемые этимологии нельзя считать ни твердо установленными, ни фонетически и семантически безупречными. Их единственное преимущество перед общепринятыми состоит в том, что они не входят в неразрешимое противоречие со скифской фонетикой.

Фонетические особенности скифского языка имеют принципиальное значение и для изучения генезиса иранских представлений о фарне / хварне — царственном блеске, эманации божественного сияния, обеспечивающей государю власть, а его подданным благоденствие и процветание. Когда-то считалось, что хварна (*x^varenah*) — общеиранское понятие, но в отдельных языках начальный *x^v-* перешел в *f-*. Затем возобладало мнение, что форма с начальным *f-* впервые возникла в мидийском, для которого был характерен переход *x^v- > f-*, отсюда попала в древнеперсидский и в ахеменидский период распространилась по всему иранскому миру. В связи с этим нельзя не вспомнить наблюдение Э. А. Грантовского (1970, сс. 91, 98, 240–241, 224, 306 сл., 324, 325; 1998, с. 135) о том, что в клинописных источниках именно форма с начальным *p-*, правильно отражающим иранское *f-* (а не *x^v-*, которое в ассирийских и эламских документах всегда передавалось иначе) зафиксирована задолго до возвышения Мидии, поэтому «мидийской» данная форма считается сугубо условно. В настоящее время представляется (хотя далеко не все с этим согласны), что авестийская форма *x^varenah* вторична и образована в порядке гиперкоррекции из заимствованного *farnah*, пехлевийская и персидская формы, отражающие начальное *x^v-*, заимствованы из авестийского (тем более что в персидском имеется и форма с начальным *f-*), а все прочие языки отражают только начальное *f-* (см. подробнее Skjærvø 1983 — мнение о первичности формы с начальным *f-* этот автор не разделяет; Lubotsky 1998 — автор приводит остроумные лингвистические доводы в пользу вторичности авестийского *x^v-*). Отсюда следует, что понятие (или, по крайней мере, слово для обозначения) фарна не было общеиранским, а распространилось из одного источника. Доказать, что таким источником был мидийский, невозможно, поскольку все случаи предполагаемого развития *x^v- > f-* зафиксированы в так называемых «побочных традициях», *Nebenüberlieferungen*, т. е. в эламских и ассирийских текстах, где, за неимением в соответствующих языках фонемы *f*, она могла передаваться только через *p*. Соответственно практически каждый из немногочисленных примеров гипотетического перехода *x^v- > f-* можно, возводя дошедшее до нас в иноязычной передаче слово к иному иранскому прототипу, трактовать и как пример передачи иранского *p* ассирийским или эламским *p*. В связи с этим А. М. Лубоцкий отверг традиционное возведение формы *farna* к общеиранскому **x^varenah*, и, сопоставив иранское слово с древнеиндийским *pārīnas* «полнота, изобилие, процветание», предположил, что первое распространилось по иранскому миру из какого-то языка, в котором начальный *p* перед гласным регулярно давал *f*. На основании того, что такой переход из всех иранских языков реально засвидетельствован только в сарматском и алано-осетинском, он сделал вывод о том, что такой переход был свойствен и восточноскифским диалектам, а слово *farna* принесли и в восточноиранские области, где создавалась Авеста, и в Мидию в конце IX-начале VIII в. до н. э. скифы

(Lubotsky, 2002, pp. 191–195). К сожалению, и эта заманчивая теория не выдерживает критики с точки зрения фонетики скифского языка. Перехода $p > f$ перед гласным в скифском не было и гораздо позже — ср. наименование скифских царей Παράλαται, написанное Геродотом в V в. до н. э. Более того, его не было и раннесарматском, о чем говорят такие формы как Πουρθάκης — явно из **puθraka* «сынок» с поздней метатезой $θr > rθ$, но еще без перехода $p > f$. Таким образом, перехода $p > f$ в интересующую нас эпоху не происходило даже в тех языках, чьей отличительной чертой он стал впоследствии, и возводить слово *farnah* к этимону с начальным **p-* неправомерно — по всей видимости, оно все-таки восходит к корню с начальным *xʷ-*. С другой стороны, поскольку остается в силе утверждение о том, что данное слово распространилось из одного источника, этим источником следует считать язык, в котором *xʷ-* переходил в *f-*, что заставляет вернуться к гипотезе о «мидийском» происхождении лексемы *farnah*: пусть нельзя строго доказать, что в мидийском, точнее, в каком-то из иранских диалектов на территории современного Ирана, имел место переход *xʷ- > f-*, нельзя доказать и обратное, зато можно продемонстрировать, что ни для какого другого дошедшего до нас древнеиранского языка подобный переход не был характерен. В связи с этим надо полагать, что понятие «фарн» вошло в скифский язык во время пребывания его носителей в Передней Азии, что немаловажно в свете споров о генезисе скифской культуры.

Если обратиться к анализу собственно исторических сюжетов, нельзя не отметить, что сугубо скифский фонетический облик имен позднескифских царей Скилура и Палака (и в том, и в другом имени мы наблюдаем характерный переход $d > δ > l$, ср. выше) не подтверждает выдвинутую в последнее время гипотезу об отсутствии прямой генетической связи между классическими и поздними скифами (Зайцев, 1999) и подкрепляет мнение о преобладании собственно скифского элемента в позднескифском государстве по крайней мере до рубежа нашей эры (Высотская, 1979, с. 197)¹.

Любопытно, что в некоторых случаях фонетические закономерности подтверждают этнические атрибуции древних авторов. Так, Геродотовы меланхлены (Μελάγχλαινοι, «[одетые в] черные плащи»), были убедительно отождествлены с савдаратами (Σαυδάραται, из иранского *saw-dar-a-ta*, «одетые в черное» — Vasmer 1923, S. 51), упомянутыми в известном ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², 32) в числе прочих народов, населяющих Северное Причерноморье. Показательно, что такое объяснение этимологии этнонима «меланхлены» соответствует утверждению Геродота о том, что меланхлены — народ не скифский (IV, 20): ...Μελάγχλαινοι, ἄλλο ἔθνος καὶ οὐ Σκυθικόν («...меланхлены, племя иное, не скифское»), поскольку общеиранское **d* в скифском дало бы *l*.

Число примеров того, как модифицированные представления о фонетике скифского языка меняют устоявшиеся взгляды на мифологию, культуру и историю скифов можно было бы умножить, но, полагая, приведенных материалов достаточно для того, чтобы побудить специалистов взглянуть на проблемы скифологии под новым углом зрения.

¹ См. об этом Кулланда, Раевский, 2004, с. 93, примеч. 67.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И., 1935. *Alanica* // ИАН СССР, Отделение общественных наук, № 9 (Переиздано в: Абаев, 1949).
- Абаев В. И., 1945. «Древнеперсидские элементы в скифском языке» // Иранские языки I (Переиздано в: Абаев, 1949).
- Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Том I. Москва.
- Абаев В. И., 1979. Скифо-сарматские наречия. — Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М. (слегка переработанный вариант раздела «Скифский язык» из книги 1949 года).
- Барроу Т., 1976 Санскрит. Перевод с английского Н. Лариной, редакция и комментарий Т. Я. Елизаренковой. М.
- Витчак К. Т., 1992. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. № 5.
- Высотская Т. Н., 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.
- Грантовский Э. А., 1960. Индо-иранские касты у скифов. Москва.
- Грантовский Э. А., 1963. Из истории иранских племен на границах Индии // КСИНА LXI.
- Грантовский Э. А., 1963а. Племенное объединение Raṅṣu-Raṅṣava у Панини // История и культура древней Индии. М.
- Грантовский Э. А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва.
- Грантовский Э. А., 1975. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. Т. II. М.
- Грантовский Э. А., 1998. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.
- Грантовский Э. А., Раевский Д. С., 1984. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Дьяконов И. М., 1956. История Мидии. М.-Л.
- Дьяконов И. М., 1991. Аккадский язык. // Языки Азии и Африки. Т. IV, кн. 1. Афразийские языки. М.
- Дзиццойты Ю. А., 2003. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал.
- Зайцев Ю. П., 1999. Скилур и его царство: новые открытия и новые проблемы // ВДИ, 1999, № 2.
- Иванчик А. И., 2004. Фрагмент скифского эпоса: «Колаксаев конь» в «Парфении» Алкмана // ВДИ. № 2.
- Кукулина И. В., 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.
- Кулланда С. В., 2005. Еще раз о скифском языке // *Orientalia et Classica*. ТИВКА РГГУ. Вып. VI. Аспекты компаративистики I. М.
- Кулланда С. В., Раевский Д. С., 2002. *Scythica sub specie Iranicorum* (Скифская тематика в трудах Э. А. Грантовского) // ВДИ. № 4.
- Кулланда С. В., Раевский Д. С., 2004. Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ, № 1.
- Миллер В., 1882. Осетинские этюды II. Москва.
- Миллер В., 1887. Осетинские этюды III. Москва.
- Назаренко А. В., 1987. К этимологии этнонима ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М.
- Полин С. В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Раевский Д. С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.
- Стеблин-Каменский И. М., 1999. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.
- Трубачев О. Н., 1967. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.
- Трубачев О. Н., 1999. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Москва.
- Цаболов Р. Л., 2001. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М.
- Шелов Д. Б., 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. № 1.
- Эдельман Д. И., 1986. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.

- Яйленко В. П., 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 3.
- Bailey H. W., 1960. *Indagatio Indo-Iranica*. Transactions of the Philological Society. London — Hertford.
- Bailey H. W., 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge.
- Bielmeier R. B., 1989. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch. // CLI.
- Brandenstein W., 1953. Die Abstammungssagen der Skythen // WZKM. 52.
- Cornillot F., 1981. L'origine du nom des Scythes // IJ. vol. 23. Dordrecht / Boston.
- Cornillot F., 1981a. De Skythès à Kolaxais // SI. Tome 10, fasc. 1.
- Darmesteter J., 1883. *Etudes iraniennes*. Paris.
- Harmatta J., 1951. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia // *Acta Orient. Hung.*, T. I, fasc. 2–3.
- Harmatta J., 1969. Late Bactrian Inscriptions // *Acta Ant. Hung.* XVII / 3–4.
- Henning W. B., 1939. Sogdian Loan-words in New Persian.— BSOS, vol. X, part. 1.
- Justi F. J., 1896–1904. *Geschichte Irans von dem ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden* // GiPh, Bd. 2.
- Livshitz V. A., 1970. Sogdian Alphabet from Panjikant // W. B. Henning Memorial Volume. London.
- Lubotsky A. M., 1998. Avestan x³arenah-: the etymology and concept // Meid (ed.) *Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Innsbruck.
- Lubotsky A. M., 2002. Scythian elements in Old Iranian.— *Indo-Iranian Languages and Peoples. Proceedings of the British Academy*. 116.
- Marquart J., 1901. *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i.* Berlin.
- Marquart J. 1905. *Untersuchungen zur Geschichte von Īrān II.* Leipzig.
- Minorsky V., 1930. *Transcaucasica*. // JA. Tome CCXVII. 1. 1930.
- Müllenhoff K. M., 1892 (1866). *Deutsche Altertumskunde III*. Berlin.
- Schmitt R. S., 1967. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 117.. Wiesbaden.
- Schmitt R. S., 1989. *Andere altiranische Dialekte* // CLI.
- Sims-Williams N., 1981. The Sogdian Sound-system and the Origins of the Uyghur Script // JA. Tome 269.
- Sims-Williams N., 1989. «Sogdian» // CLI.
- Sims-Williams N., 1997. A Bactrian god // BSOAS. Vol. 60. Part 2.
- Skjærvø P. O. 1983. *FARNAH: : mot mède en vieux-perse?* // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. Tome 78. Fascicule 1.
- Szemerényi O., 1980. Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka // *Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 371. Band. *Veröffentlichungen der Iranischen Kommission*. Band 9.
- Tomaschek W., 1888. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 116. Wien.
- Trask L., 2000. Some issues in relative chronology // *Time Depth in Historical Linguistics*. Volume 1. Cambridge.
- Tremblay X., 1998. Sur *parsui* du Farhang-i-Φim, *ratu-*, *pəratu-*, *pitu-* et quelques autres thèmes avestiques en -u. Essai de grammaire comparée des langues iraniennes III // SI, Tome 27. Fasc. 2.
- Vasmer M., 1923. *Die Iranier in Südrubland*. Leipzig.
- Zgusta L., 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha.